

Психология поведения в боевой работе

Дню советской-русской армии и флота посвящается

Устич В.В.
23.02.2001 г.

Я спал, и мне снилось, что жизнь это радость. Я проснулся и увидел, что жизнь это долг. Я делаю своё дело, и смотри-ка, долг – это радость. «Восточная мудрость»

Итак, за работу!

«Вследствие этого страшного гула, шума, потребности внимания и деятельности Тушин не испытывал ни малейшего неприятного чувства страха, и мысль, что его могут убить или больно ранить, не приходила ему в голову. Напротив, ему становилось все веселее и веселее. Ему казалось, что уже очень давно, едва ли не вчера, была та минута, когда он увидел неприятеля и сделал первый выстрел, и что клочок поля, на котором он стоял, был ему давно знакомым, родственным местом...

Сам он представлялся себе огромного роста, мощным мужчиной, который обеими руками швыряет французам ядра...»

Так Лев Николаевич Толстой, сам в прошлом артиллерийский офицер в Крымскую войну 1855, точно описывает в «Войне и мире» подмеченную им своеобразную реакцию на опасность. Но и до Толстого она была уже известна великому Пушкину, вложившему мысль о ней в уста председателя пира во время чумы:

Есть упоение* в бою,
*И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы!
Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обрести и ведать мог.*

В этих пушкинских словах космос информации, чувств, состояния души и её полёта над вечным, когда жизнь побеждает смерть. Какой огромной силы может быть простое слово!

Кант разделял эмоции на стенические («стена» по-гречески — сила), повышающие жизнедеятельность организма, и астенические — ослабляющие ее. Страх может проявляться и в стенической и в астенической форме. Но реакция на опасность, описанная Пушкиным и Толстым, — это не стенический страх, заставляющий лермонтовского Гаруна бежать быстрее лани, а своеобразное, присущее только человеку переживание радости, упоения опасностью, чувство боевого возбуждения, восторга, восхищения, экстаза.

«Советский летчик никогда не уклоняется от боя, и чем ближе к нему опасность, тем злее его сердце, тем расчетливее его движения, тем стремительнее его рефлекс. Это — напряженно-расчётливый восторг боя», — писал Алексей Толстой. Это сторонний художественный взгляд писателя. А вот, что пишут сами очевидцы, которые знали, что такое смерть и смотрели ей в глаза каждый день. Из наградного листа моего отца, копию которого я снял в Подольске в архиве МО:

«На боевые задания летает с большим желанием и отлично их выполняет. Неоднократно вёл воздушные бои с превосходящими силами противниками и всегда выходил победителем». Из другого наградного листа поразила фраза: «... с любовью прикрывает наземные войска».

Истребительный полк по штату состоит из трёх эскадрилий по 12 самолётов в каждой. Итого 36. Оружейники, механики, штаб – это 150 с небольшим человек. Армейская рота, но ответственности и материальных ценностей больше. Поэтому и спрос с каждого жестче. Все знают друг друга до мелочей. А там, в бою, в воздухе ты у всех на виду и спрятаться негде, да и не за кого. После каждого вылета «разбор полётов», т.е. беспощадный анализ поведения каждого от начала и до конца, независимо от звания, заслуг и личных отношений. Полезная и поучительная традиция не только для лётчиков. Но кроме разбора полёта есть пушкинское - *«ты сам, свой высший суд»* и твоё желание непрерывно учиться военному делу, как говорил Ленин, *настоящим образом*. Пуля и снаряд на звания и заслуги не смотрят.

С детских лет читаю книги о войнах, боевых действиях, и всё что связано с профессией воина, психологией поведения на поле боя. Не сразу я заметил в начале наградного листа моего отца – лётчика-истребителя фразу – ***«На боевые задания летает с большим желанием и отлично их выполняет».*** Глаза всегда спешат увидеть результат боя, а не путь к нему.

Неожиданно в голове выстроилась психологическая связь поведения русского воина в разных боях и сражениях, как в индивидуальных, так и в коллективе, как при посредственном командовании случайных людей у власти, так и во главе личностей. Список имён наверху очень короткий, а внизу бумаги не хватит. За личность русские воины шли и делали любое дело *с большим желанием* и всегда *на отлично*. А, если с желанием и отлично, то работа делается творчески, не шаблонно, т.е. с любовью. Матрицей русского мироощущения является община, т.е. семья, коллектив. Поведение отдельного человека и характер народа формирует на генетическом уровне климат и пространство проживания. Исправить его указами, приказами и перепрограммированием сознания в угоду Западу невозможно. Это тупиковый путь, ведущий к сокращению населения по цепочке – стресс несовместимости мироощущений рождает болезни, которые ведут к преждевременной смерти. Госдеповский «Проект Россия».

Матрицей западного образа мышления является рынок, как среда обмана, авантюры и приключений, где человек человеку волк. Фото немецких военнопленных от 1943-45 гг. выхватывает в колоннах улыбающиеся лица... И этому есть объяснение. Это образ западного мышления - приключение должно продолжаться. Но для русского человека плен всегда был позором и трагедией. Не защитил. И каждый ощущал, что его на подсознательном уровне не простят. Назад примут, но холодок в душе останется.

Столетия за столетиями проходят, но человек психологически не меняется, так как гены не эволюционируют. Вывод такой. Если подразделение, человек перед боем думает и об

отходе, то гибли все. Если вместе с командиром решались стоять до конца, например, «Мы русские, мы победим», - Суворов, «за Волгой земли нет, - это 1942», то часть л/с всегда оставалась в живых, и, если не побеждала, то передавала стержень стойкости, внутренней силы и мужества не только ближнему современнику-единоверцу, но и через века потомкам. Так формируется психологическая связь времён.

Если любую работу, подчёркиваю любую, делать с огнём в глазах, азартом, с большим желанием и творчески, как смысл жизни, а не паразитирование за счёт других, то расход энергии человека меньше. Энергия растворена в воздухе, воде, земле и в слове. Поэтому идёт непрерывная подзарядка энергией от других носителей. Человек удваивает свою внутреннюю энергию, становится за счёт внутреннего состояния-настроения сильнее, чем, если выполнять ту же самую работу, как обязанность и бремя, т.е. небрежно, с ленью. Что такое лень? Это закон сохранения энергии. К слову, что такое дедовщина - это лень, т.е. «западло» трудиться или служить с большим желанием, творчески. А там где лень, рождается трусость, прикрытая озлобленностью и агрессивностью к ближнему. Здесь, конечно, играет большую роль наполнение смыслом каждого учебного дня недели, которого я не видел в линейных частях ГСВГ с 70-х гг. и по сей день, авторитет командира или руководителя, вплоть до первых лиц страны.

В зависимости от критической ситуации, от чувства ответственности и долга выполнить поставленную задачу, даже ценой своей жизни (это вопросы воспитания, морали и нравственности всего общества, когда вся Россия живёт единой общиной и заботой о каждом человеке. Сегодня - это криминально-феодалный мамонизм), эта энергия может увеличиваться в разы. Один из примеров психологического состояния за гранью невозможного из нашего недавнего великого прошлого.

Вторая половина 1943 г. Украина, р. Днепр.

Когда плот под огнём противника с 76 мм противотанковой пушкой Зис-3, вес 1200 кг (конструктор Грабин) и ящиками с боекомплектом подошел к «немецкому» берегу Днепра, в расчёте, из 5 бойцов в живых осталось два человека. Вдвоём под артиллерийским обстрелом они втащили пушку на высокий песчаный правый берег Днепра, ящики со снарядами и отразили в жестоком бою танковую атаку немцев. Благодаря этому орудью, завоёванный плацдарм удалось отстоять и расширить в дальнейших боях. Были представлены к Героям. Когда после боя их попросили повторить это, они не смогли сдвинуть эти 1200 кг боевого металла с места у кромки воды. В не боевой обстановке это сделали только два расчёта (10 бойцов). **Есть упоение в бою**, когда воин становится над жизнью, выше себя и своих личных интересов.

А так человек заранее программирует свою смерть. Чечня. 1995 г. Штурм с. Первомайское силами спецназа... Бездарная операция паркетных генералов и предателей в штатском. Бросить элиту спецвойск, как точечный инструмент в общевойсковой бой - это всё равно, что хирургов поставить ремонтировать двигатели, а слесарей оперировать больных. Скальпелем картошку не копают. Офицер спецназа МВД (фамилию не помню) достойно воевал, но через несколько командировок внутренне сломался, перегорел, потерял связь времён, смысл и свою роль, и место в жизни. У него прошёл внутренний азарт и настрой на боевую работу, огонь в глазах, состояние заряженности на бой, на полную отдачу сил через «не могу» каждую минуту, каждый час, каждый день. И так всю командировку. Это состояние исторически не проявляется у русского воина внешне. Эту энергетику можно только почувствовать, находясь рядом. Его начальник, далёкий от психологии, не увидел в

глазах своего подчинённого этого внутреннего надлома и провала. Офицер стал программировать себя ещё дома до выезда в Чечню на пассивную смерть. Купил бутылку спиртного, поставил дома за стекло на видное место и сказал всем своим, что это на его поминки... Обрадовал перед отъездом жену и родителей.

Со слов его товарищей. Перед операцией был замкнут, рассеян и не похож на себя. Во время перебежек по открытой местности вёл себя пассивно, заторможено, на подсказки не реагировал. Во время отхода пуля снайпера попала ему в голову и поставила точку в этой введённой им самим в подсознание программе.

Описание воздушного боя двух Як-9 против 8 Ме-109 из наградного листа моего отца: *«Гв. мл. л-т Устич смело пошел в лобовую атаку, с дистанции 70 м сбил 1 Ме-109. В этой жестокой и неравной схватке гв. мл. л-т Устич отбивая атаки от своего ведущего, сбил ещё 1 Ме-109».*

Что происходит в голове лётчика-истребителя, который заходит в лобовую атаку, а немецкий лётчик принимает этот вызов. Скорость у обоих около 300 км/час. Немец стреляет из пушек. Видны трассы трассирующих снарядов, идущих в тебя. С дистанции - 70 м при суммарной скорости сближения около 600 км/час Як открывает огонь и сбивает «Мессершмитт». Это критическое расстояние. Быть тебе или не быть. Ты или тебя. За сколько секунд истребитель пролетает эти 70 метров при такой скорости? Какую силу воли и выдержку нужно иметь, чтобы не открыть огонь раньше, а именно тогда, когда он будет максимально эффективным? Что это? Это пушкинское упоение в бою, без которого воин не воин, боец не боец, человек, не человек - тварь дрожащая.

Ещё раз вчитаемся в эти бессмертные строки Пушкина, дающие представление о формуле победы. ***Есть упоение в бою, ... Всё, всё, что гибелью грозит, Для сердца смертного таит*** *Неизъяснимы наслажденья — Бессмертья, может быть, залог! И счастлив тот, кто средь волненья Их обретать и ведать мог.* То есть приобретать в учёбе и управлять затем с большим желанием в боевой работе.

При попытке не принять этот неравный бой (не дадут уйти, не отпустят) или во время боя думать, как из него выйти, они были бы сбиты и погибли. Именно осознание драться до последнего, стать выше своей жизни, отказаться от неё, вобрала в советских лётчиков такую энергетику в этом неравном бою, которая принесла им победу и заставила опытных немецких лётчиков выйти из боя, чтобы не рисковать дальше. Рыночный расчёт уступил воле, мужеству и храбрости общинного мироощущения – за родину, т.е. за семью, не за себя. Но это плоды сталинского, советского воспитания. От Суворова-Кутузова и до Сталина русскую армию били везде и всюду. Будут бить и при нынешней шпане у власти, пока страну не свернут с этого губительного курса. Один и тот же народ с разным «командиром» во главе проявлял совершенно противоположные качества. Это говорит о том, что выбора у нас между Рынком и семьёй нет. В Рынке мы обречены на смерть, а в Семье сможем развиваться дальше и сохранить свою особую общинную цивилизацию. С другой стороны, чтобы провести такой бой, мало иметь желания сражаться насмерть. Нужно *учиться военному делу настоящим образом* постоянно. Нужно жить профессией воина и совершенствовать своё мастерство ежедневными занятиями. Далее записано со слов моего отца.

«Я очень любил пилотировать и прибыл на фронт летом 1943 г. с хорошей пилотажной подготовкой. Мне нравилось пилотировать до помутнения в глазах от перегрузок, на пределе физических возможностей. В пилотировании не уступал опытным лётчикам.

Когда в 9 лет в 1929 г. я первый раз увидел в небе истребитель (мы косили траву за селом), то сказал отцу, что буду лётчиком. Хочу летать. Мечта сбылась. После аэроклуба в Виннице и лётного училища в Армавире я стал военным лётчиком—истребителем. Мне было тогда 22 года.

И вот, я в боевом полку.

М-р Лукелий, командир 6 гв. ИА полка (149 гв. ИАП) принимал молодое пополнение (4 чел.) и лично проверял каждого в воздухе. Все боевые лётчики, все техники, одним словом весь полк, наблюдали за экзаменом по пилотированию с земли. Задача была простая – удержаться при пилотировании за самолётом к-ра полка. Взлетали на проверку по очереди. Мои сверстники экзамен не сдали. С земли я наблюдал за самолётом командира и анализировал его пилотаж. Мысленно я выполнял движения педалями, сектором газа и ручкой управления, чтобы не потерять его. Когда я взлетал на Яке последним, характер командира в воздухе мне уже был в общем понятен, а глаза горели от желания быстрее подняться вверх. Набрал высоту, подошёл к нему, стал в боевое построение справа, услышал в наушниках: «Готов к работе?». «Готов». И началось. Сразу переворот, переход в пикирование, выход на вертикаль, полупетля, опять переворот, боевой разворот. Он думал, что я отстал и потерял его. Каково же было его удивление, что я как привязанный сидел у него на хвосте. Что он только не вытворял в воздухе на виду всего полка, но сбросить меня с хвоста ему не удавалось. Моторы машин работали на пределе, и этот рёв двигателей над аэродромом привлёк многих. Командир стал нервничать, а я вздумал ещё в этом азарте поиграть у него на нервах. Я не просто держался справа, а брал его в прицел, т.е. он видел живот моей машины. В этой ситуации это был уже вызов зелёного и неопытного лётчика. В бою, если противник сел на хвост, он тебя уже не выпустит из прицела. Это может быть последний взгляд в жизни...

В наушниках услышал недовольный голос: «Заканчиваем. Я сажусь первым». Разошлись. Я стал в круг. Когда командир сел, начал заходить на посадку. С любовью посадил, как учили, боевой Як на три точки, нежно и красиво. Душа пела, азарт и эмоции переполняли. До сих пор, и через 50 лет не могу забыть мой первый день в полку. Зарулил точно на место. Все смотрят. Открыл фонарь, механик помог вылезти. Иду к командиру докладывать. Он стоит в мокрой гимнастёрке и сердито смотрит в мою сторону. За ним полукругом стоят лётчики и улыбаются за его спиной, кто в кулак, а кто и открыто, но командир полка может это только слышать. Подхожу и докладываю: «Лётчик такой-то ... какие будут замечания?». К-р полка, м-р Лукелий посмотрел на меня мрачно и продолжительно с головы до ног и обратно и медленно произнёс: «А Вы, мл. л-т, завтра полетите в бой у меня ведомым. Остальным (троим) месяц тренироваться над аэродромом». Фамилии их не помню уже. Они потом погибли в воздушных боях. Из того пополнения я остался один. Командир ушёл. Лётчики подошли ко мне и говорят: «Надо было уступить командиру. Надрал старику хвост на виду у всех, а у него несколько сбитых немцев. Расстроил его». «Я выполнил боевую задачу – удержаться за машиной командира, т.е. прикрыть его». «Ну, с крещением тебя. Добро пожаловать в гвардейский полк, в нашу семью». Так прошло первое знакомство.

Во время войны на ужин в полку давали каждому 100 г водки. Я отдавал, не пил. Кто-то вечером играл в шахматы, кто-то писал письма. А мне писать было некому. Я был детдомовский. Меня интересовала моя работа - война. Каждый вечер, закрыв глаза, я анализировал свой каждый вылет (2-3 вылета в день сваливали к вечеру с ног). После разбора полётов я самостоятельно разбирал свои действия. Что я сделал правильно, неправильно? Что можно сделать лучше, по-другому, нестандартно или нетипично для противника? Как вели себя в воздухе над целью немцы? Шаблонно или с выдумкой?

Какие тактические приёмы можно было ещё применить в этом задании? Разучивал наизусть и запоминал карту боевых действий полка. Все населённые пункты, изгибы рек, ориентиры и т.д. Если в воздухе смотреть на карту, то собьют быстро. Лётчики у немцев были сильные и расчётливые. «Зевки» в бою и ошибки не прощали. Ходил к зенитчикам на аэродроме и подробно расспрашивал их об особенностях стрельбы по самолётам на разных высотах. Это помогало мне уходить от огня немецких зениток. Законы физики едины, и я заранее знал, что делает в той или иной ситуации немецкий наводчик и заставлял его ошибаться. Чтобы вернуться с боевого вылета домой, нужно быть сильнее, умнее, хитрее, иметь силу воли, характер, нужен азарт и ежедневное настоящее желание драться в каждом боевом вылете и не думать о том, что тебя убьют. Будешь думать, что убьют - значит убьют. Нужно отлично знать возможности своей машины, оружия и использовать их на все 100% и чуть - чуть больше. Везение? Везёт сильным.

Однажды получил машину из соседнего полка с красным носом до кабины. Этот красный нос обращал на себя внимание немецких лётчиков. Каждый думал, что в нём сидит русский ас и пытался сбить меня. У немецких пилотов личные интересы всегда были выше общего дела. На разборе командир шутил: «Это хорошо, что у Устича машина с красным носом. Пока мы выполняем боевое задание, «Мессы» гонятся за ним по всему небу». Мне было не до шуток. Как-то говорю механику: «Закрась этот красный нос в зелёный цвет. Он единственный в полку и как магнит притягивает в воздухе всех немцев».

В приметы не верил и никогда не обращал на них внимание. Хотя, однажды получил новые хромовые сапоги. Шло сражение на Курской дуге. Механик увидел их и всё утро повторял: «Тов. мл. л-т, плохая примета. Новые сапоги нельзя одевать на боевое задание. Переобуйтесь». Может быть, он был прав. Нога в новой обуви плохо чувствует педали. Отвлекает. Но в том бою я, отбивая атаки немецкого истребителя от своего ведущего, не успевал прикрыть его от другого Ме-109 справа под очень неудобным углом. В воздухе было тесно от самолётов. Кто в кого стреляет, не поймёшь. Всё происходило очень быстро. Чтобы спасти командира, я развернул свою машину животом самолёта под пушечную очередь Ме-109 и закрыл, таким образом, его самолёт. Раздался сплошной грохот ударов снизу. Мотор стал сразу, но машина не загорелась. Снаряды прошли между ног, вырвали панель приборов, фонарь, срезали левую педаль и каблук нового сапога, в котором стало мокро от крови. Осколок зашел в пятку. Руки, ноги и лицо посеколо мелкими осколками. Всё в крови, но сознание не потерял и сохранил способность двигать ногами и руками. Контроль от этого удара над самолётом я потерял и стал беспорядочно падать. В разбитой кабине перед глазами закружился пух. Первая мысль – это прыгать, но мозг требует ответа – откуда пух. Автоматически понял. Лётчик сидит на парашюте, а парашют в бронированной ванне, с толщиной брони 8 мм. Снаряды пробили бронеплиту, вошли в парашют и осколками посекали его. Мелкие частицы шелка стали от этого «пухом». Бронеплита и парашют спасли меня, но прыгать уже нельзя. С трудом, без левой педали, выровнял самолёт, элероны были не повреждены, сориентировался по солнцу и начал под большим углом, чтобы не добились, снижаться к своим. Сидел в машине открыто, как в лодке. От фонаря ничего не осталось. Боялся, что крылья развалятся. В правом крыле после очереди «Месса» образовалась сквозная дыра, в которую мог пролезть человек. Крылья Яка изготавливали из прессованной фанеры. Несмотря на повреждения, машина не подвела. Перед землёй выровнял и сел на живот на поле боя. За самолётом осталась полоса разорванных фюзеляжем тел убитых немецких солдат. Стояла жара, и запах от разложения вздувшихся трупов стоял такой, что пришлось закрыть нос шлемофоном. Примерно в трёх километрах шёл бой, горели танки. Взял изорванный парашют (инструкция требует снимать часы и забирать парашют) и осторожно (крыло зацепило табличку с надписью «Мины»), обдумывая, куда поставить ногу среди убитых,

пошёл к грунтовой дороге, где меня подобрала машина с ранеными, идущая в тыл. Осколок вытащили. Через два дня я был уже в полку и вскоре летал на задания. Один сапог в шутку подарил суевенному механику. В том боевом вылете, что новые сапоги, что старые сапоги. Это о приметах.

Да, на войне бывает и убивают. На то она и война. Но это моя профессия, и я её очень любил и подходил к ней с большим желанием, творчески не шаблонно. Врага бояться нельзя. Его нужно бить, чтобы он тебя боялся».

Какой вывод можно сделать из сказанного и пересказанного в этой статье, которую я написал ко Дню Советской - Русской армии и ВМФ? А вывод в следующих словах, с которых я начинаю каждое занятие. Мои ученики разучивают их наизусть и повторяют в начале каждого занятия. Я их дам вначале по-немецки, но, конечно, с переводом.

Ich schlief und träumte, das Lében wäre Freude. Ich erwächte und sah, das Lében ist Pflicht. Ich tue und siehe, die Pflicht ist Freude. Was stéht bei uns im Vóordergrund? Erst die Árbeit, dann das Vergnúgen. „In Ewigkeit, Ámen“.

Also, los an die Árbeit! *

Я спал, и мне снилось, что жизнь это радость. Я проснулся и увидел, что жизнь это долг. Я делаю своё дело (Наградной лист: ...с **большим желанием** и ... с **любовью** ...), и смотри-ка, долг – это радость.

Что у нас на первом месте? (Что у нас главное?) Вначале работа, потом развлечение. Так должно быть во веки веков, аминь.

Итак, за работу!

*УПОЕНИЕ . (книжн). Восторг, восхищение, экстаз. **Есть упоение в бою. Пушкин.**

Устич В.В.

2001 г.